УДК 316.323.6:330.342.14

Горлов А.В.,
старший преподаватель кафедры философии и истории
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК» (Российская Федерация, г. Орёл)

О ФОРМАЦИОННОМ РАЗВИТИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Согласно автору статьи, в рамках капиталистического развития следует выделять три формационные ступени, соответствующие либеральному, государственному и глобальному капитализму.

Ключевые слова: теория формаций К. Маркса, развитие капиталистического общества, либеральный капитализм, государственный капитализм, глобальный капитализм.

Признавая наличие в истории докапиталистического общества трёх формационных ступеней развития – деспотической («азиатской»), рабовладельческой и феодальной, – резонно предположить, что подобные ступени следует выделять и в истории капитализма. Факты, имеющиеся в распоряжении современной науки, позволяют превратить такое предположение в надёжное теоретическое знание.

Правда, этому мешает целый ряд предрассудков. Главный из них состоит в том, что принципы капитализма со времени его появления и по сей день будто бы не претерпели никаких существенных изменений.

Будь это не предрассудок, а истина, пытаться расчленить капиталистическое развитие на ряд формационных ступеней означало бы заниматься такой теоретической деятельностью, которая не имеет связи с реальным положением вещей. Но это – явный предрассудок, и тщательный анализ данного вопроса говорит о том, что создатель теории формаций К. Маркс, живи он в наше время, не преминул бы

осуществить формационное членение капитализма. Увы, с 1883 г. его нет в живых, а когда он жил, капиталистическое общество всё ещё пребывало на первой ступени своего развития, другие его ступени ещё только-только начали выступать из тумана грядущих десятилетий, а потому даже такому гениальному теоретику, как Маркс, разглядеть их было почти невозможно.

Всё же кое-что он увидел, но смутные очертания второй ступени капитализма он ошибочно принял за контуры коммунизма — бесклассового общества. Сейчас это кажется наивным, а в XIX в. и основоположники марксизма, и их ученики — как ортодоксы, так и ревизионисты, и даже некоторые противники марксизма были убеждены, что живут в эпоху перехода от классового строя к бесклассовому.

«...Буржуазия неспособна долее оставаться господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона, — провозглашали ещё в 1848 г. в своём знаменитом Манифесте К. Маркс и Ф. Энгельс. — Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счёт. Общество не может более жить под её властью, т.е. её жизнь несовместима более с обществом»[1]. Проявляя страстное революционное нетерпение, создатели «Манифеста Коммунистической партии» воображали, что развитие человечества вот-вот, в ближайшие годы, вместо капиталистического станет коммунистическим, но с той поры минуло больше чем полтора века, а мировое сообщество всё ещё живёт под диктовку буржуазии.

В 1918 г. даже правоверный марксист Ф. Меринг вынужден был признать, что историческое развитие «шло гораздо медленнее, чем предполагали авторы Манифеста», что, вопреки их мнению, буржуазное общество середины XIX в. ещё не достигло последней стадии своего жизненного пути. И всё же, несмотря на эти факты, Меринг, не испытывая колебаний, бодро заявляет, что теперь-то, в начале XX в., капитализм вышел-таки на финишную прямую — туда, где, согласно основоположникам марксизма, он был ещё полстолетия назад. Значит, Маркс и Энгельс ошиблись лишь на десятки лет[2].

Ф. Меринг — известный марксист-ортодокс, а как характеризовал социальную жизнь начала XX в. его современник, соотечественник и ярый идеологический противник Э. Бернштейн — не менее известный, чем Меринг, марксист-ревизионист? «...Доступные научному исследованию факторы общественного развития, — утверждает Бернштейн в 1901 г., — указывают в их целом вполне ясно на постоянное, с всё большей энергией усиливающееся развитие современного общества в сторону социализма»[3]. Таким образом, в начале XX в. видный немецкий ревизионист полностью разделял мерингвскую оценку тогдашнего капитализма как умирающего, агонизирующего, уступающего место новой, справедливой форме социальной жизни.

Однако, характеризуя капитализм как умирающий, Бернштейн, в отличие от Меринга, считал нецелесообразными и даже вредными любые попытки ускорить агонию буржуазного строя революционным путём. Пролетариат, справедливо полагал немецкий ревизионист, ещё не готов занять место буржуазии в качестве господствующего класса. «Несмотря на большие успехи, которые сделал рабочий класс в интеллектуальном, политическом и экономическом отношении с того времени, когда писали Маркс и Энгельс, — заявил он в своей самой известной книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», — я и теперь не считаю его достаточно развитым, чтобы захватить политическое господство»[4]. И далее — не в бровь, а в глаз: «Человек ещё не избавился от утопизма, когда то, что должно появиться в будущем, он умозрительно переносит в современность, приписывает ей как достигнутое. Мы должны брать рабочего таким, какой он есть. А он ни такой совершенный паупер, как предсказывалось Коммунистическим Манифестом, и ни такой свободный от предрассудков и пороков, как уверяют нас его придворные»[5].

«Если мы будем сопоставлять пролетариат не с каким-то идеальным масштабом, а с другими классами, — пылко возражал

Бернштейну один из упомянутых им «придворных», лидер немецкой социал-демократии К. Каутский, — то найдём, что по своим политическим способностям он с успехом выдержит сравнение не только с мелкой буржуазией и крестьянами, но и с самой буржуазией. Если мы посмотрим на парламент, общинные самоуправления или кассы взаимопомощи, в которых господствуют исключительно буржуазия и её чиновники, мы найдём там застой, бессилие, испорченность. Как только сюда проникает наша партия, здесь пробуждается новая жизнь; она вносит инициативу, честность, энергию и принципиальность и своей конкуренцией заставляет ожить и своих врагов»[6].

А вот ещё одна красноречивая цитата из того же источника: «Прогрессивная демократия в современном промышленном государстве возможна только как пролетарская демократия. Вот чем объясняется упадок буржуазной прогрессивной демократии. <...> Только убеждение в необходимости господства пролетариата и в его политической зрелости может в настоящее время сделать демократическую мысль способной приобретать прозелитов»[7]. Мы видим, что ортодокс Каутский, как и ревизионист Бернштейн, связывает прогресс общества на рубеже XIX — XX вв. с переходом к социализму, и в этом плане разногласия между ними имеют лишь тактический характер, а именно — сводятся к вопросу о том, следует ли социал-демократии ускорять агонию капитализма или нет.

В 1916 г. В.И. Ленин написал большую статью под названием «Империализм, как высшая стадия капитализма». Она представляет собой не столько научный анализ развития буржуазного строя, сколько талантливую попытку марксиста-пропагандиста окончательно и бесповоротно закрепить социал-демократическую оценку тогдашнего передового общества как общества умирающего капитализма. В марксистской среде эту ленинскую статью до сих пор считают фундаментальным теоретическим произведением, в Советском Союзе её ставили в один ряд с «Капиталом»[8], хотя, по справедливой характеристике автора, она всего лишь «популярный очерк».

«Конкуренция превращается в монополию, — констатирует Ленин, опираясь на статистику ведущих капиталистических стран. — Получается гигантский прогресс обобществления производства. <...> Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учёт всем источникам сырых материалов ... во всём мире. Такой учёт не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. <...> Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»[9].

Что же это за «новый общественный порядок»? В основном тексте ленинской статьи ничего конкретного о нём не сказано, ибо, как поясняет предисловие, появившееся в составе статьи лишь в 1917 г., уже после падения самодержавия, «брошюра писана для царской цензуры»[10]. Здесь же мы узнаём о том, что, по мнению Ленина, «империализм есть канун социалистической революции»[11], и, стало быть, под «новым общественным порядком» следует понимать такое устройство общества, которое является переходным от капиталистического к социалистическому.

Подробно эта тема освещается в работе Ленина «Государство и революция». Здесь Ленин цитирует Марксову «Критику Готской программы», где утверждается, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[12]. «Развитие вперёд, т.е. к коммунизму, — вторит Марксу автор «Государства и революции», — идёт через диктатуру пролетариата и иначе идти не

может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путём нельзя»[13].

Итак, по Ленину, империализм вплотную подводит к диктатуре пролетариата. Поскольку эта диктатура, с марксистской точки зрения, представляет собой временный, изменчивый способ организации общества, стремительно (по историческим меркам) уступающий место коммунистическому, основоположники марксизма вполне логично рассудили, что тщательно выстраивать её теоретическую модель нецелесообразно. «...Традиционный марксизм содержал мало отправных точек для размышлений о послереволюционном развитии, — отмечает С. Коэн. — Сам Маркс рассматривал экономическую модернизацию как историческую функцию капитализма, нигде не указывая и даже не намекая на возможную роль социалистов в этом деле. К тому же он вообще отклонял попытку делать конкретные предположения относительно послекапиталистического развития, и это стало традицией, которую соблюдали его последователи»[14]. Не переход к коммунизму, а коммунизм — вот что представляет главный интерес, считали основоположники марксизма, но при этом даже коммунистическое общество принципиально изображали только в самых общих чертах, предельно абстрактно.

До 1918 г. такого же абстрактного подхода к вопросам послереволюционной организации общественной жизни придерживался и Ленин, полагая, что осуществление власти победившим пролетариатом имеет не столько теоретический, сколько практический характер: рабочие-де сами, без оглядки на какую-то заранее разработанную схему, разберутся, какой должна быть их диктатура в той или иной конкретной ситуации. Когда большевики осуществили Октябрьский переворот, эта точка зрения вроде бы получила подтверждение. Вот что писал в статье «К социализму», опубликованной тогда, в первые дни Великого Октября, один из большевистских вождей Н.И. Бухарин:

«Совершенно очевидно, что с переходом власти к Советам буржуазное государство рушится. Основная, самая крепкая организация буржуазии — её государственная власть — исчезает. Создаётся новый, отличный по своему строению и по своим задачам аппарат власти, находящийся в распоряжении пролетариата и крестьянства, с явным перевесом организующих сил на стороне пролетариата.

С другой стороны, совершенно очевидно также, что на фабриках и заводах, в сфере экономической жизни самодержавный режим буржуазии разлагается.

Буржуазия не может при сложившихся отношениях быть здесь организующей силой. Всё в большей степени вмешиваются органы рабочей демократии, в первую очередь фабрично-заводские комитеты. Но поскольку речь идёт об общегосударственном регулировании промышленности, то с переходом власти к Советам это регулирование практически совпадает с рабочим контролем.

При таких условиях отпадают основные признаки капиталистического порядка вещей: верховенство капитала и в политике, и в экономике рушится. Настаёт некапиталистический, полусоциалистический порядок вещей. Полусоциалистический, так как, во-первых, это есть ещё эпоха диктатуры, а не бесклассовый социализм, так как, во-вторых, слишком значительны ещё будут на первых порах неорганизованные отношения в деревне»[15].

Мы видим, что, находясь под впечатлением успешного политического переворота, осуществлённого большевиками, Бухарин явно выдаёт желаемое за действительное: отчаянную попытку пролетариата отсталой страны[16] преодолеть вызванную мировой войной разруху он преподносит как переход от капитализма к социализму. Что это — политическая и экономическая близорукость?

Нет, Бухарин не был близоруким. Он лучше, чем другие большевики, включая Ленина, разбирался в вопросах экономики начала XX в. и прекрасно понимал, какие тяжелейшие задачи необходимо решать революционному пролетариату России. «Будет ли идти вперёд революция? — размышлял Бухарин с нескрываемой тревогой. — Не расшибёт ли она себе лба, наткнувшись на непреодолимые трудности?» И всё же его настроение было оптимистичным: «Заранее говорить

о непреодолимых трудностях нельзя. Они колоссальны. Вопросы продовольствия, транспорта, демобилизации армии; сопротивление и саботаж слоёв, близко стоящих к крупнокапиталистической буржуазии, — на этом не раз может споткнуться Советская власть. Но нет никаких оснований говорить, что она потерпит здесь банкротство. Если кто и сможет сделать ряд решительных шагов — то только эта, народная власть»[17].

Итак, Бухарин видел экономические трудности Советской власти и, кроме того, подчёркивал, что они колоссальные. Однако при всём при этом самое существенное он — как, впрочем, и все остальные исследователи тогдашней экономики — не заметил, а именно: его анализ упустил из виду происходивший на его глазах и составлявший главное, наиболее актуальное содержание того времени — переход от первичной капиталистической формации (либерального капитализма) к вторичной (государственному капитализму). Вместо этого формационного перехода большевики и прочие марксисты видели другой — от капитализма к социализму, и он тоже происходил, но на ином, более высоком уровне абстракции, а потому не имел того первоочередного практического значения, какое ему приписывали и до сих пор ещё приписывают учёные-марксисты.

«Любопытно отметить, — писал Бухарин в статье «К социализму», — что наши противники из лагеря умеренных социалистов и даже некоторые буржуазные экономисты считают вполне возможным государственно-капиталистическое регулирование. Но государственно-капиталистическое регулирование отличается от рабочего контроля, главным образом, тем, что государственная власть находится в руках другого класса. А это вопрос социального соотношения сил. Переход власти к Советам означает его положительное решение»[18].

Как всё просто: стоит победить Советам — и государственно-капиталистическое регулирование тотчас превращается в полусоциалистическое, пролетарское! На деле всё оказалось гораздо сложнее. С течением времени российская диктатура пролетариата приобретала всё более странные с точки зрения классического марксизма черты, её пролетарский характер становился всё более призрачным. «Уже опыт первых послеоктябрьских лет показал, что ожидаемой гармонии интересов государства и трудящихся классов не происходит. Наоборот, в новом, неотлаженном механизме со всей остротой проступили черты старой бюрократической сути. Военно-коммунистическая политика укрепления государственного централизма очень быстро проявила свои противоречия не только с интересами крестьянства, но и рабочего класса»[19].

И тем не менее новое общество возникло. Только было оно не социалистическим или коммунистическим, а государственно-капиталистическим. «Российская экономика и тесно связанные с ней другие формы социального общежития, пройдя через горнило братоубийственной войны и будучи втиснутыми в жёсткие «военно-коммунистические» структуры, были во многом обречены на необратимость перерождения в духе государственного псевдосоциализма», — пишет на эту тему В.В. Журавлёв[20], не понимая, что дело не в особенностях российской истории, а в законах формационного движения капиталистического общества. С первой, либеральной ступени своего развития капитализм необходимо поднимается на вторую, государственную. Специфика России состоит лишь в том, что в ней раньше, чем где бы то ни было, сформировалось государственно-капиталистическое общество.

О формационном развитии капитализма основоположники марксизма ничего не знали, более того, с их точки зрения, никаких формационных ступеней у этого развития нет. Ранний, зрелый и поздний капитализм — это, считали они, всего лишь разные периоды существования одной и той же формации, одного и того же буржуазного строя. Такую же позицию занимали все без исключения большевики: для них капитализм всех периодов и всех мастей — всего лишь капитализм, форма общественной жизни, которая уже в начале XIX в. стала реакционной, превратилась в тормоз на пути социального прогресса. А раз так, то нечего церемониться, нечего перебирать виды капиталистического общества, выясняя, какой из них лучше, а какой

хуже. Долой буржуазию — и баста! Тем не менее именно большевики, считавшие, что в XX в. любой капитализм, в том числе государственный, — это анахронизм, явились создателями первого в мире государственно-капиталистического общества. Не хотели, но создали. Как же это произошло?

Осуществлять пролетарскую диктатуру в среднеразвитой капиталистической стране, обременённой многочисленными феодальными пережитками, оказалось настолько трудно, что весной 1918 г. в большевистском лагере развернулась бурная дискуссия о принципах строительства нового общества. Мощным катализатором для этой дискуссии послужила программная статья Ленина «Очередные задачи Советской власти». Автор статьи настаивает на том, что социализм можно построить только на базе всестороннего учёта и контроля в хозяйственной сфере. «Социалистическое государство, — убеждал Ленин, — может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих своё производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и ещё менее. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный, всеобъемлющий учёт и контроль *хлеба* и *добычи хлеба* (а затем и всех других необходимых продуктов), тут не обойтись»[21].

Даже если подыграть автору «Очередных задач» и принять за истину, что в начале 1918 г. лишь ничтожное меньшинство населения Советской республики не сочувствовало большевикам, то и тогда придётся квалифицировать «всенародный учёт и контроль», к которым призывал Ленин, не более как несбыточную в условиях того времени мечту, ибо подавляющее большинство жителей тогдашней России, независимо от одобрения или неодобрения ленинского плана социалистического строительства, не имело ни малейшей возможности активно участвовать в осуществлении этого плана по той простой причине, что было неграмотным (73,7% по переписи 1897 г.[22]). Вот почему на практике внедрение учёта и контроля проводил не народ, а узкий слой представителей Советской власти. Неграмотность населения открывала им широчайшие возможности для злоупотребления служебным положением, и, конечно же, нередко эти возможности превращались в реальность.

С острой критикой ленинского плана социалистического строительства выступили «левые коммунисты». Интересно, что в числе их лидеров оказался Бухарин — тот самый, который совсем недавно не видел никаких принципиальных проблем в деле пролетарской организации общественного производства.

В апреле 1918 г. в журнале «Коммунист» были опубликованы левокоммунистические «Тезисы о текущем моменте». После заключения Брестского мира, утверждается в этом документе, в Советской республике наметилась «тенденция к уклонению большинства коммунистической партии и руководимой ею Советской власти» (имеются в виду Ленин и его сторонники) «в русло мелкобуржуазной политики нового образца»[23]. «В случае, если такая тенденция получит осуществление, — предостерегают авторы «Тезисов», — рабочий класс перестанет быть руководителем, гегемоном социалистической революции, ведущим беднейшее крестьянство к уничтожению господства финансового капитала и помещиков; он оказывается силой, вкраплённой в ряды полупролетарско-мелкобуржуазной массы, которая ставит себе задачей не пролетарскую борьбу в союзе с западноевропейским пролетариатом за низвержение империалистической системы, а оборону фермерского отечества от тягот империализма, что возможно достигнуть и путём компромисса с ним. В случае отказа от активной пролетарской политики завоевания рабоче-крестьянской революции начнут застывать в систему государственного капитализма и мелкобуржуазных хозяйственных отношений»[24].

Эта цитата красочно демонстрирует, какая чудовищная теоретическая каша была в головах «левых коммунистов»: по их мнению, ленинский план социалистического строительства ведёт к тому, что государственный капитализм и мелкобуржуазное хозяйство могут «застыть» в виде

единой экономической системы, т.е. крупный капитал, вместо того чтобы разорять мелкий, может заключить с ним взаимовыгодные партнёрские отношения! Более того: ленинскую экономическую политику, направленную прежде всего на огосударствление капитала, его централизацию, укрупнение, «левые коммунисты» почему-то окрестили «мелкобуржуазной»!

Ленин отреагировал очень резко, гневно. «Эволюция в сторону государственного капитализма — вот зло, вот враг, с которым нас приглашают бороться, — отметил он на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. — И вот, когда я читаю эти ссылки на подобных врагов в газете «левых коммунистов», я спрашиваю: что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывков книжки забыть действительность? Действительность говорит, что государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. <...> В настоящее время осуществлять государственный капитализм — значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который капиталистические классы проводили в жизнь. Мы имеем образец государственного капитализма в Германии. Мы знаем, что она оказалась выше нас. Но если вы подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы значило в России, Советской России, обеспечение основ такого государственного капитализма, то всякий не сошедший с ума человек и не забивший себе голову обрывками книжных истин должен был бы сказать, что государственный капитализм для нас спасение.

Я сказал, что государственный капитализм был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное, а нам-то и не хватает как раз этого, нам грозит стихия мелкобуржуазного разгильдяйства, которая больше всего историей России и её экономикой подготовлена и которая как раз этого шага, от которого зависит успех социализма, нам не даёт сделать. <...>

Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет»[25].

«Рабочий контроль введён у нас как закон, но в жизнь и даже в сознание широких масс пролетариата он едва-едва начинает проникать, — с досадой констатирует автор «Очередных задач Советской власти». — О том, что безотчётность, бесконтрольность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство (ибо всё имущество принадлежит казне, а казна — это и есть Советская власть, власть большинства трудящихся), что нерадивость в учёте и контроле есть прямое пособничество немецким и русским Корниловым, которые могут скинуть власть трудящихся *только* при условии, что мы не одолеем задачи учёта и контроля, и которые при помощи всей мужицкой буржуазии, при помощи кадетов, меньшевиков, правых эсеров «подкарауливают» нас, выжидая момент, — об этом мы недостаточно говорим в своей агитации, об этом недостаточно думают и говорят передовики рабочих и крестьян. А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики-рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или беззаботных насчёт контроля, — до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, то есть перейти к рабочему регулированию производства»[26].

О чём идёт речь? О том, что рабочий контроль существует лишь на бумаге, формально, на деле его нет, так как даже передовые рабочие не понимают его важности как первого шага к социалистическому ведению хозяйства. Ленин раздражён, он критикует себя, других большевиков, весь народ за недостаточные сознательность и активность в строительстве социализма, но если даже он, идейный вдохновитель и вождь Октября, оказался недостаточно сознательным и активным, то чего он ждал от остальных строителей нового общества и какое право имел он требовать от этих людей, подавляющее большинство из которых было элементарно неграмотным, всенародного учёта и контроля?

Лидера большевистской революции вёл идеал — коммунистическое общество, вёл и манил, как синяя птица. Однако стоило российской действительности жёстко потребовать от большевиков вести строительство нового общества государственно-капиталистическими методами — и их вождь, скрепя сердце, сразу же скорректировал экономическую политику Советской власти в духе чуждого его идеалу требования реальной жизни. В этом и состоит одно из главных достоинств Ленина как руководителя страны: стремясь к идеалу, он не забывал о реальности.

Следует, однако, подчеркнуть, что с точки зрения адекватного отражения реальности ленинское отношение к государственному капитализму весьма далеко от того, чтобы служить образцом для подражания: в развитии государственно-капиталистического сектора экономики передовых стран начала XX в. лидер большевиков ошибочно видел становление социализма, а не новой капиталистической формации, более мощной и агрессивной, более враждебной коммунистическим идеям, чем старый, либеральный капитализм. Отсюда — существенная недооценка вождём Октябрьской революции опасности огосударствления рыночной экономики для идущего к коммунизму рабочего класса. В результате этой формационной ошибки Ленин энергично пропагандировал государственный капитализм, глубоко враждебный социализму, как основу социалистического хозяйства, выступая тем самым не в роли вождя пролетариата, а в роли проводника государственно-капиталистических идей в пролетарской среде. Так, сам того не ведая и не желая, он расчищал дорогу в государственно-капиталистическое общество.

Бухарин тщательнее, чем Ленин, изучил тенденции мировой экономики (это отчётливо видно при сравнении двух работ на указанную тему: бухаринской «Мировое хозяйство и империализм» и ленинской «Империализм, как высшая стадия капитализма») и потому лучше, чем Ленин, чувствовал опасность государственного капитализма для пролетарской власти. Экономические взгляды Бухарина сформировались под влиянием книги «Финансовый капитал» немецкого социал-демократа Р. Гильфердинга, утверждавшего, что капиталистическое общество не деградирует, а, напротив, прогрессирует и в начале XX в. вышло на новую стадию своего развития. Главной особенностью этой стадии является господство унифицированного («финансового», как выражался Гильфердинг) капитала: «Ранее раздельные сферы промышленного, торгового и банковского капитала поставлены теперь под руководство финансовой аристократии, которая объединяет в тесной персональной унии господ промышленности и банков»[27]. Таким образом, подчёркивает автор «Финансового капитала», стихийный капитализм становится организованным.

Бухарин пошёл дальше, развив понятие организованного капитализма до понятия государственного капитализма. В наше время, пишет он в очерке «Мировое хозяйство и империализм», на просторах буржуазного рынка сцепились в ожесточённой борьбе невиданные ранее «гигантские сплочённые и организованные экономические тела, обладающие колоссальной боевой способностью»[28]. При этом правительство буржуазного государства становится высшим органом «государственно-капиталистического треста» — единой политико-экономической организации всех национальных предприятий[29]. Как это не похоже на тот дряхлый, загнивающий монополистический капитализм, который предстаёт перед нами в ленинском очерке «Империализм, как высшая стадия капитализма»! Согласно Бухарину, консолидация национальных хозяйственных структур в государственно-капиталистические тресты означает не загнивание капиталистического строя, а его укрепление[30]. Отсюда — тревожный вывод: современный пролетариат «встречает на своём пути постоянно растущую силу сомкнутых рядов буржуазии»[31].

«Хотя Бухарин в 1915—1916 гг. преувеличивал размеры и развитие «огосударствления» и трестирования, он точно определил направление развития в XX веке, — отмечает С. Коэн. — В последующие десятилетия наблюдалось окончательное исчезновение капитализма свободного предпринимательства (laissez-faire) и возникновение новых форм государства,

с различной степенью активности вмешивающегося в экономическую жизнь: от управляемой капиталистической экономики и государства «всеобщего благоденствия» до крайне мобилизованной экономики Советской России и нацистской Германии военного времени»[32].

Однако даже Бухарин, лучше других представлявший, что такое государственный капитализм, не смог подняться до ясного понимания его как особой, вторичной капиталистической формации, противоположной по отношению к исходной, либеральной. Противоположность этих формаций оказывала и оказывает такое мощное дезориентирующее влияние на всех без исключения исследователей современной экономики — как марксистов, так и немарксистов, — что они нередко путают государственный капитализм, с одной стороны, с социализмом, а с другой — с олигархическим капитализмом, т.е. с последней фазой либерального капитализма, на которой группа монополистов (буржуазная олигархия) контролирует все общественные институты, в том числе государство.

Вот, к примеру, цитата из бухаринского очерка «Мировое хозяйство и империализм», где автор описывает рождение государственно-капиталистического общества: «...Отдельные сферы концентрационного и организационного процесса подгоняют одна другую и создают сильнейшую тенденцию к **превращению всего национального хозяйства в одно гигантское комбинированное предприятие под началом финансовых королей, монополизирующее национальный рынок и являющееся предпосылкой организованного социалистического хозяйства**»[33]. В начале цитаты — прекрасный, точный образ государственно-капиталистического общества (страна-трест), но далее Бухарин заявляет, что это общество управляется «финансовыми королями», — и удачный образ сразу же становится ущербным: вместо стройной стальной пирамиды работников единого треста, где все — от вершины до основания — бойцы одной политико-экономической армии, где нет никаких сословных перегородок и потому каждый рядовой может стать генералом, перед глазами встаёт угловатая и рыхлая иерархия феодального типа, где наверху надменно восседают явно оторвавшиеся от масс, жирующие олигархи, короли бизнеса. Такую верхушку довольно легко сковырнуть: она дразнит массы своим неприличным богатством и тем самым провоцирует их на возмущение, но это — не государственно-капиталистическая верхушка, не вожди страны-треста, а олигархическая верхушка общества, находящегося под контролем монополистического капитала.

Буржуазное олигархическое общество Бухарин, так же как и Ленин, преподносит как непосредственную предпосылку социалистического, хотя в действительности на основе олигархического капитализма возникает не социализм, а государственный капитализм. Более того: и последний не является непосредственной предпосылкой социализма, ибо у буржуазного развития есть ещё и третья формационная ступень — глобальный капитализм. Поднявшись на эту ступень, всё мировое хозяйство будет функционировать как единая капиталистическая монополия, мировой трест.

Бухарин и Ленин считали глобальный капитализм теоретической выдумкой, умозрительной гипотезой, не имеющей опоры в реальном развитии капиталистического строя. На вопрос «Может ли случиться так, что возникнет мировой трест?» автор очерка «Мировое хозяйство и империализм» отвечает отрицательно: «Эта возможность была бы для нас мыслима, если бы мы механизировали весь общественный процесс, если бы мы не считались абсолютно с силой сопротивления рабочего класса. На самом деле ряд войн, идущих одна за другой во всё более грандиозных размерах, неизбежно должен привести в движение всю революционную энергию пролетариата. Наученный кровавым опытом, рабочий класс восстанет против системы, которая превращает его в пушечное мясо ради капиталистической сверхприбыли»[34].

В предисловии к бухаринскому очерку схожий ответ на поставленный выше вопрос даёт Ленин: «Не подлежит сомнению, что развитие идёт в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идёт к этому при таких обстоятельствах,

таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно *раньше,* чем дело дойдёт до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»[35].

Доводы Бухарина и Ленина против глобального капитализма неубедительны. Отрицая его реальную возможность, оба исходят из того, что такой строй может быть полезен только буржуазии, а пролетариату совершенно не нужен. Ложность этой посылки бросается в глаза: мировой трест устранит мировые кризисы, которые бьют по пролетариату не меньше, чем по буржуазии, следовательно, глобальный капитализм нужен всем. И не случайно теперь, когда социальные проблемы всё больше приобретают ярко выраженный, чувственно воспринимаемый глобальный характер, всё больше людей приходит к выводу о том, что преодолеть эти проблемы может только глобально организованное человечество.

Поскольку социальные проблемы растут, как вал, тема глобализации общественной жизни, уже сейчас чрезвычайно актуальная, в ближайшие годы станет главной. Как бы ни сопротивлялись антиглобалисты, число глобалистов будет расти, потому что дальнейшее развитие общества невозможно без движения в сторону глобального капитализма.

«Глобализацию, — пишет шведский экономист Ю. Норберг, — часто воспринимают как угрозу, как нечто такое, что может быть хорошо для «других» и к чему «мы» вынуждены приспосабливаться. Я и сам раньше так считал, однако изменил своё мнение благодаря убедительным фактам: их изобилие свидетельствует о том, что глобализация — это уникальный шанс для всего мира»[36].

О каких фактах идёт речь? Глобализация, подчёркивает Норберг, способствует развитию капиталистической экономики, так как освобождает общество от деспотического произвола как частных предпринимателей, так и государственно-капиталистической бюрократии: «Благодаря снижению транспортных расходов, изобретению новых, более эффективных средств связи, либерализации торговли и движения капиталов пространство нашего выбора кардинально расширилось и появилось множество новых, немыслимых ранее возможностей.

Нам уже не обязательно покупать товары у местной компании-монополиста — её иностранные конкуренты к нашим услугам. Мы не обязаны трудиться у единственного работодателя в родной деревне: можно поискать другие варианты. Прошло время, когда мы довольствовались культурными достижениями только собственной страны, — перед нами открыта вся сокровищница мировой культуры. Мы больше не обречены всю жизнь провести в том месте, где родились: теперь можно свободно путешествовать по миру и переезжать туда, куда захотим»[37].

В грядущем неолиберальном мире шведский экономист усматривает одни лишь плюсы, отсюда — его безудержное славословие по адресу новой, третьей по счёту капиталистической формации. То, что она несёт с собой беспрецедентное усиление эксплуатации, что свободный работник глобального мира, дабы оставаться свободным, будет вынужден выступать в роли универсальной рабочей силы, т.е. такой силы, которая самостоятельно и без всякой оплаты способна настраиваться на любую работу, необходимую глобальному рынку, — этого Норберг, сладкоголосый трубадур глобализации, не видит. Но плюсы он подметил верно, они действительно есть, и потому глобальный капитализм придёт, если, конечно, до этого момента человечество не погубит себя в мировых войнах.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 435.

[2] Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1990. С. 146.

[3] Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? // Э. Бернштейн. Возможен ли научный социализм? Ответ Г. Плеханова. Одесса, 1906. С. 35.

[4] "Trotz der großen Fortschritte, welche die Arbeiterklasse in intellektueller, politischer und gewerblicher Einsicht seit den Tagen gemacht hat, wo Marx und Engels schrieben, halte ich sie doch selbst heute

noch nicht für entwickelt genug, die politische Herrschaft zu übernehmen" (Bernstein Ed. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufhaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899. S. 183 – 184.).

[5] "Man hat den Utopismus noch nicht überwunden, wenn man das, was in der Zukunft werden soll, spekulativ in die Gegenwart verlegt, bezw. der Gegenwart andichtet. Wir haben die Arbeiter so zu nehmen wie sie sind. Und sie sind weder so allgemein verpaupert, wie es im Kommunistischen Manifest vorausgesehen ward, noch so frei von Vorurtheilen und Schwächen, wie es ihre Höflinge uns glauben machen wollen" (Ibid. S. 184.).

[6] Каутский К.К критике теории и практики марксизма. М., 2003. С. 294.

[7] Там же.

[8] ««Империализм, как высшая стадия капитализма» – прямое продолжение и дальнейшее развитие «Капитала» К. Маркса» (ФЭС. М., 1989. С. 210.).

[9] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М., 1980. С. 320 – 321.

[10] Там же. С. 301.

[11] Там же.

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1961. С. 27.

[13] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М., 1981. С. 88.

[14] Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М., 1988. С. 83.

[15] Бухарин Н.И. К социализму // Возвращённая публицистика. Кн. 1. М., 1991. С. 111.

[16] В начале XX в. подавляющее большинство населения России – 87% – было не городским, а сельским (История СССР, 1861 – 1917. М., 1984. С. 191.).

[17] Бухарин Н.И. К социализму // Возвращённая публицистика. Кн. 1. М., 1991. С. 113.

[18] Там же. С. 112 – 113.

[19] Там же. Часть II. М., 1991. С. 77.

[20] Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 404.

[21] Там же. Т. 36. С. 185.

[22] Наше Отечество (Опыт политической истории). Часть I. М., 1991. С. 204.

[23] Тезисы левых коммунистов о текущем моменте // Левые коммунисты в России. 1918 – 1930 гг. М., 2008. С. 157.

[24] Там же. С. 157 – 158.

[25] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1981. С. 254 – 258.

[26] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1981. С. 185.

[27] Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1924. С. 351.

[28] Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 80.

[29] Там же. С. 83.

[30] Позднее, в начале 20-х годов XX в., своё несогласие с ленинским представлением о дряхлости новейшего капитализма Бухарин выразил ещё резче, совершенно недвусмысленно: «С точки зрения соотношения социальных сил государственный капитализм представляет из себя *потенцированную* (возведённую в степень) власть буржуазии, где господство капитала достигает своей высочайшей силы, поистине чудовищной величины» (Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 106.); «Государственный капитализм ... есть доведённое до крайнего предела *всемогущество буржуазии*, когда производство сосредоточено в руках *буржуазного* государства» (Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 247).

[31] Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 83.

[32] Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М., 1988. С. 60.

[33] Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 53.

[34] Там же. С. 93.

[35] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М., 1980. С. 98.

[36] Норберг Ю. В защиту глобального капитализма. М., 2007. С. 7.

[37] Там же. С. 12.

Gorlov A.V., e-mail: strix63@yandex.ru
Senior lecturer of the department of philosophy and history of FSBEE HPE "State University – ESIC" (Russian Federation, Orel)

ABOUT FORMATIONAL DEVELOPMENT OF CAPITALIST SOCIETY

According to the author, three formational stages, corresponding to the liberal, state, and global capitalism in the framework of capitalist development should be singled out.

Key words: Marx's theory of formations, the development of capitalist society, liberal capitalism, state capitalism, global capitalism.